ДНО

КНИГА ПЕРВАЯ

18+

ДМИТРИЙ ОДРОВ

Дмитрий Одров

Дно

«Автор»
2026

Одров Д.

Дно / Д. Одров — «Автор», 2026

Зима 1990-го. В промёрзшем подвале трое мужчин делят последнюю кастрюлю пустого супа. У них нет ни работы, ни документов, ни будущего. Только холод и привычка выживать.А потом появляется человек в чужом пальто. Бывший инженер, потерявший семью. Он предлагает безумное: уйти из города, найти в лесу старую землянку и начать всё заново. Без денег. Своими руками.Никто не верит. Но четверо уходят.Им предстоит рубить лес, ставить сруб, ловить рыбу в проруби, отбиваться от волков и от людей, которые считают, что земля, лес и река принадлежат им. На их пути встанут рэкет, милиция, чиновники и собственное прошлое.Это не история про банду. Это история про род. Про людей, которые упали на дно — и решили не оставаться там.1991-й. Развал Союза. Пустые полки. Гиперинфляция. А в двадцати километрах от города, в лесу, на берегу реки, другие люди строят свой мир — с нуля, своими руками, по своим законам.Они не ждут спасения. Они спасают себя сами.

© Одров Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Дмитрий Одров
Дно

Глава 1. Встреча

Декабрь 1990 года выдался злым. Не просто холодным — озлобленным на весь мир, будто природа решила проверить людей на прочность. Ветер гулял по улицам, завывал в проводах, срывал последние клочья тепла с продрогших зданий. Температура упала до минус двадцати, воздух стал густым, колючим, обжигающим лёгкие.

В старом районе города, где асфальт покрылся сетью трещин, а фонари горели через один, находился неприметный вход в подвал. Тяжёлая, обитая ржавым железом дверь, когда-то ведшая в овощной склад, теперь служила убежищем для тех, кого город выбросил на обочину.

Внутри — сумрак и сырость. Свет проникал лишь через крошечное зарешеченное окошко под потолком, давая ровно столько, чтобы различать силуэты. Пахло старой пылью, и чем-то кислым. По углам громоздились сломанные ящики, рваные матрасы, куски рубероида. Но в центре этого хаоса царил относительный порядок.

На импровизированном столе из перевёрнутой бочки горела самодельная лампа — фитиль, плавающий в консервной банке с подсолнечным маслом. Желтоватый, дрожащий свет выхватывал из темноты три фигуры, склонившиеся над маленькой кастрюлей. Пар от кипящей воды казался единственным источником тепла в этом ледяном склепе.

— Саня, соль-то осталась? — прохрипел мужчина лет сорока с лицом, обветренным до состояния старой кожи. Это был Николай. Худой, с впалыми щеками и залысиной. Он кутался в огромный, когда-то женский пуховик, надетый поверх засаленного пиджака.

— Осталась, — отозвался Саня, мужчина крепкого телосложения с короткой стрижкой и глубокими морщинами у глаз. Он был здесь за старшего. Не по возрасту — по духу. В его взгляде читалась спокойная уверенность, которая не давала компании окончательно скатиться

в бездну. Саня помешивал в кастрюле кусок чего-то, отдалённо напоминающего картофель, и добавлял туда же тёмные сушёные травы.

— Миша, хлеб есть? — Саня обернулся к третьему обитателю подвала.

Миша, молодой парень лет двадцати, с вечно испуганными глазами и нервными движениями, сидел на корточках у стены, прижимая к груди бумажный пакет. Он был одет в тонкую куртку, которая явно не спасала от холода, и постоянно дрожал.

— Есть, но он… каменный, — виновато проговорил Миша, доставая затвердевший, как кирпич, кусок чёрного хлеба.

— Ничего, размочим, — Саня подбросил в огонь под кастрюлей несколько щепок. Огонь жадно лизнул дерево, на мгновение осветив лица мужчин. Изо рта у всех шёл пар.

Ветер снаружи усилился. Он бил в металлическую дверь с такой силой, что казалось, кто-то огромный и злой пытается сорвать её с петель. Подвал наполнялся гулом, от которого звенело в ушах. Где-то наверху с грохотом упал кусок шифера.

— Холодно сегодня, — констатировал Николай, поёживаясь. — Даже крысы попрятались. Я утром выходил, хотел у магазина постоять, так через десять минут ноги отнялись. Минус двадцать, не меньше.

— Двадцать два, — поправил Саня. — В новостях с утра слышал, когда мимо ларька проходил. Радио орало.

— Вот бы чаю горячего… — мечтательно протянул Миша. — С сахаром. И лимоном.

— Размечтался, — усмехнулся Николай. — Скажи спасибо, что вода есть. Вон, снега натаскали, растопили.

В этот момент дверь подвала скрипнула. Не от ветра. Замок, который они соорудили из куска проволоки, чтобы предупреждать о визитах, звякнул. Все трое напряглись. В такие морозы милиция не ходила, а другие бомжи редко забредали в этот район. Но дверь открылась, и в проёме, на фоне белого слепящего снега, показался силуэт.

Человек шагнул внутрь и с трудом закрыл за собой дверь. Это был высокий широкоплечий мужчина, но сейчас его фигура казалась сгорбленной — будто холод давил на плечи. На нём было длинное, почти до колен, драповое пальто, когда-то чёрное, а теперь выцветшее до серого, с чужого плеча. На ногах — валенки с галошами, на голове — шапка-ушанка, завязанная под подбородком. Лицо обветрено, скулы острые, но черты лица были правильными, строгими. Взгляд глубоко посаженных глаз тяжёлый, но не злой. Мужчине на вид было лет тридцать пять — сорок.

— Ребята, — глухо бросил он, стряхивая снег с плеч. — Найдётся чем перекусить?

Саня прищурился, вглядываясь в гостя. Затем лицо его озарила улыбка узнавания.

— Александр Алексеевич? — удивился он. — Ты ли это? Сколько зим, сколько лет!

Николай и Миша переглянулись. Они тоже узнали этого человека. Хотя никто из них не мог вспомнить, откуда взялось это странное официальное обращение. Почему-то все, кто был с ним знаком, называли его только по имени-отчеству. Никаких «Сашков» или «Лексеичей». Это звучало бы даже неуважительно. В нём чувствовалась порода — что-то, что не смогли стереть ни годы скитаний, ни алкоголь, ни грязь.

Александр Алексеевич, которого ребята про себя называли сокращённо АА, прошёл ближе к огню. От него пахло морозом, дымом и чем-то ещё — долгой, застарелой усталостью.

— В помойке пусто, — ответил он на свой же вопрос, стягивая шапку. — Да и то, что было, всё замёрзло. Не отколупать. Я не ел три дня.

В его голосе не было жалости к себе. Только констатация факта. Он говорил спокойно, низким, чуть хрипловатым голосом.

Саня, не колеблясь, кивнул.

— Конечно, друг. У самих не густо, но по-братски поделимся. Держи миску, — он протянул АА эмалированную миску с погнутыми краями и налил туда горячего варева — мутного, с плавающими кусочками картофеля и капустных листьев. От миски шёл пар.

— Рассказывай, где был, что делал? Не видели тебя с начала осени. Мы уж думали: всё, пропал.

Александр Алексеевич взял миску. Его руки, крупные, с длинными пальцами, слегка дрожали — не от холода, а от голода. Он сел на старый продавленный стул, который чудом держался на трёх ногах, и начал есть. Первые несколько ложек проглотил молча, чувствуя, как тепло разливается по пищеводу, как жизнь возвращается в закоченевшее тело.

Ребята не торопили его. Они знали: если Александр Алексеевич молчит, значит, собирается с мыслями. Саня подкинул ещё щепок в огонь, Николай сел напротив, а Миша так и остался у стены, боясь пошевелиться.

Наконец, немного перекусив, АА отставил тарелку и посмотрел на огонь. В его глазах плясали отблески пламени, и в этом свете лицо казалось высеченным из камня.

— Тут меня одна мысль посетила, — начал он. — Осенью ходил в лес. Искал подходящее место. Долго не мог найти. Несколько раз отправлялся и возвращался ни с чем. Всё не то: то болото, то бурелом, то слишком близко к дороге. И вот после первого снега нашёл. То, что надо.

Он замолчал и снова взялся за ложку. Ел не спеша, стараясь растянуть удовольствие и одновременно утолить голод.

Миша, самый нетерпеливый из всех, не выдержал. Прошло несколько минут, прежде чем он, набравшись смелости, спросил:

— И? К чему ты это, Александр Алексеевич?

АА прожевал последний кусок, вытер рот тыльной стороной ладони и отставил пустую миску. Он посмотрел на Мишу, потом на Саню, потом на Николая. Взгляд его был странным — в нём светилась некая решимость, смешанная с тихой, почти неслышной надеждой.

— Надоело бомжевать, — сказал он просто, но в этой простоте было столько веса, что все трое вздрогнули. — Дом хочу построить. Поле распахать, что-нибудь посадить. Рядом речка, а в ней рыба. Лес — ягоды, грибы, можно охотиться. Попробую в декабре. А до морозов решу. Если смогу прожить там — останусь. Нет — вернусь в город.

Повисла тишина. Только ветер завывал снаружи, да огонь потрескивал в банке. Саня смотрел на Александра Алексеевича, и в его глазах читалось недоверие, смешанное с восхищением. Николай хмыкнул, почесал затылок. Миша же смотрел на АА так, будто увидел пришельца.

— Ты это… серьёзно? — наконец спросил Саня. — В лесу? Один? Зимой?

— Место на берегу реки, примерно в двадцати километрах от проезжей дороги и в двадцати пяти от города, — спокойно продолжил АА, будто не слыша вопроса. — По берегу большая поляна. Далее лес. Сосны, берёзы. Вода чистая. Рыба есть. Я проверял. Там даже землянка старая есть, ещё довоенная, наполовину в землю вросла. Крыша провалилась, но стены крепкие. Можно перезимовать, если дров заготовить. А летом — избу поставить.

Он говорил это не как мечтатель. Он говорил, как человек, который уже всё рассчитал, взвесил, проверил. В его голосе слышалась не фантазия, а план.

— И ты думаешь, у тебя получится? — тихо спросил Николай. — Одному-то? Без инструментов, без денег?

Александр Алексеевич повернулся к нему. В его глазах промелькнула тень улыбки — не горькой, а скорее мудрой.

— А что у меня есть здесь? — спросил он, обводя рукой подвал. — Это? Холод, голод, унижение? Я не хочу умереть в этом подвале, Николай. Я хочу умереть на своей земле. Понимаешь? На своей.

Слово «своей» он произнёс с особой интонацией. Так, будто оно было единственным, что имело значение.

Саня молчал. Он смотрел на огонь и думал о том, что этот человек, возможно, прав. Что все они здесь — просто ждут, когда придёт конец. А Александр Алексеевич не ждёт. Он действует. И пусть его план казался безумным, в нём было что-то такое, чему Саня не мог не позавидовать.

АА встал, надел шапку, поправил пальто. На мгновение он задержался у двери, обернулся.

— Спасибо за хлеб, — бросил он. — И за то, что выслушали.

Александр Алексеевич уже взялся за дверную ручку, когда Саня вдруг окликнул его:

— Слышь, Александр Алексеевич, погоди. А ты где сам-то остановился? Где живёшь-то сейчас?

АА обернулся. В полумраке подвала его лицо было почти неразличимо, только глаза блеснули в свете догорающей лампы.

— Да в паре кварталов от вас, по улице Районной, дом 35, — ответил он. — Дом под снос. Там живу.

— Под снос? — переспросил Николай, приподнимая бровь. — Это который барак двухэтажный?

— Стены есть, — кивнул АА. — И крыша над одной комнатой, стёкла. Мне хватает. Печку из кирпичей сложил, трубу в окно вывел. Дым идёт, никто не замечает. Дом пустой, соседей нет.

Он сказал это так буднично, будто речь шла о съёмной квартире с отоплением. Миша поёжился, представив себе ледяной барак с выбитыми стёклами и сквозняками, гуляющими по коридорам.

— Ну, ты даёшь, — только и вымолвил Саня. — Ладно. Заходи, если что. Мы здесь.

АА кивнул и вышел. Дверь захлопнулась, и в подвал снова вернулась тишина. Только ветер завывал снаружи, да огонь в банке тихо потрескивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.